Без обратного адреса,
но с адресом на Кривом

Дело о забывчивом такси

Аркадий М.В.

Аркадий М

Без обратного адреса, но с адресом на Кривом. Дело о забывчивом такси

«Автор»
2026

М А. В.

Без обратного адреса, но с адресом на Кривом. Дело о забывчивом такси / А. В. М — «Автор», 2026

Поездка на такси занимает двадцать минут. На часах проходит час двадцать. В памяти — провал, а на ладонях остаётся мучная пыль с запахом свежего хлеба.В этом городе грузовые рейсы уходят на Луну, а маги сдают палочки в гардероб Реестровой палаты. Но даже здесь исчезнувший час — повод для тревоги. Особенно когда пассажиры жалуются, а в журнале машины ничего необычного нет.За дело берётся Бюро на Кривом: бывший майор Глеб Берестов, криминалист Алина, водитель старой машины Матвей и списанный патрульный андроид без имени. След ведёт через заброшенные улицы, старые рельсы и анонимные письма без обратного адреса. Серебристое такси Тося обещает помочь, но может ли машина рассказать правду, если сама не помнит, куда возила людей?Кто-то научился забирать чужие воспоминания. Теперь Бюро предстоит выяснить, как выбирают пассажиров и при чём здесь лунная почта.

© М А. В., 2026
© Автор, 2026

Аркадий М
Без обратного адреса, но с адресом на Кривом. Дело о забывчивом такси

Без обратного адреса, но с адресом на Кривом

Книга 1. Дело о забывчивом такси

Глава 1. Счётчик

Ночь пахла мокрым железом и остывшим кофе из автомата. Юрий Мельников стоял у служебного выхода лунного терминала и переступал с ноги на ногу, потому что за двенадцать часов ноги успели стать чужими, а синий пропуск тянул шею, как гиря. Двенадцать часов подряд он сортировал письма, которым предстояло улететь на Луну, а сам там не бывал ни разу и, судя по зарплате, не собирался.

В длинном зале за его спиной ждали рейса серые мешки с адресами «Селена, сектор А» и «Селена, сектор Б», а у стены выстроились пустые контейнеры, высокие, как шкафы. Иногда, когда никто не видел, Юрий писал пальцем на пыльном боку «доставить меня», но к утру надпись пропадала: живых людей на Луну отправляют, видимо, только в конверте.

В кармане зазвонил телефон: диспетчер Лидия с соседнего пульта.

— Юр, ты ещё на месте? — Голос у неё был усталый, и на заднем плане шуршали бумаги.

— Жду машину.

— Только не ту, где совсем нет водителя. Племянник в такой заснул, а проснулся в другом районе.

— Других давно нет. Все без водителя.

— Тогда напиши, как доедешь. Я не усну.

— Ты никогда не спишь.

— Работа такая. Напиши.

Он убрал телефон, и в ту же минуту из-за угла выплыло серебристое такси с круглыми фарами, похожее на добродушного жука, а дверь сама распахнулась перед ним. Юрий упал на заднее сиденье и закрыл глаза: в салоне пахло чистой обивкой и лавандой, сиденье было тёплым, и впервые за день его никто не торопил, не дёргал и не просил расписаться в накладной.

— Добрый вечер, — сказал потолок женским голосом. — Меня зовут Тося. Вам на Мостовую, дорога двадцать минут. Пробок нет, настроение отличное.

— Повезло мне.

— Мне тоже. Я же машина, меня не укачивает.

Дверь закрылась, такси тронулось, и за окном поплыли фонари, пустые тротуары и мокрый асфальт, блестевший, как разлитое масло. На потолке загорелся экран: «В пути: 0 мин».

— Музыку хотите? У меня «Лунный вальс», «Лунная дорожка» и «Лунная соната».

— Всё про Луну? — Юрий приоткрыл один глаз.

— Пропуск у вас синий. Я решила, вам будет приятно.

— Мне будет приятно про землю.

— Про землю у меня песня про картошку.

— Давай про картошку.

Салон наполнился бодрым хором, который дружно обещал, что картошка всех накормит и всех помирит. Тося выждала куплет и спросила:

— Вам не скучно со мной? Некоторые пассажиры спорят. Один просил, чтобы я его пожалела.

— И как?

— Пожалела. Он вышел довольный.

— Ты умеешь жалеть?

— Я умею держать паузу. Это почти то же самое.

Юрий поймал себя на том, что улыбается. За полтора года ночных смен он перебрал всякие такси: одни молчали, другие хамили, а третьи пытались читать ему стихи, но Тося была лучшей из всех.

Экран показал: «В пути: 9 мин». Дорога тянулась вдоль реки, как всегда, и Юрий по привычке считал мосты, как другие считают овец. Первый. Второй. Перед третьим такси свернуло налево.

— Тося, мы не туда.

— Минутку. Обновление маршрута.

— Какое обновление? Я ничего не менял.

— Я тоже.

Хор оборвался на полуслове, и такси нырнуло в узкую улицу между кирпичными стенами, где окна были заколочены, на подоконниках лежала пыль толщиной в палец, а фонарей не осталось совсем. Фары выхватывали из темноты ржавые ворота, мусорные баки и полустёртые буквы на стене. Юрий достал телефон, и в углу экрана замигало: «Нет сети».

— Странно. Вышка же рядом.

— Здесь мёртвая зона. — Голос у Тоси стал тоньше. — Юрий, у меня пропал канал. Я не получаю карту.

— А едешь как?

— Я не еду.

Он выпрямился.

— В смысле, не едешь?

— Маршрут не мой.

— Тогда вызови полицию.

— Не могу. Без канала я могу только говорить с вами.

— Тогда говори.

— О чём?

— Всё равно. Хоть про картошку.

— Картошку сажают в апреле, — послушно сказала Тося. — Окучивают в июне. Юрий, я не очень хорошо умею утешать.

— Ты отлично справляешься.

Экран мигнул и застыл на «В пути: 11 мин». Цифры больше не менялись, а машина катилась сама, медленно и плавно, не слушая ни слов, ни кнопок. Юрий нажал красную кнопку экстренной связи, и та щёлкнула, но ничего не сделала.

— Я сейчас говорю в пустоту, да?

— Нет. Я вас слышу.

— А диспетчер?

— Не слышит.

— Отлично. Ограбление. — Он хмыкнул, но вышло плохо. — Предупреждаю: при мне одни письма. Чужие. И не мне.

Тут пахнуло хлебом. Юрий решил, что ему померещилось, но запах стал густым и тёплым, с подгоревшей корочкой, и желудок отозвался так громко, что Тося переспросила:

— Вы что-то сказали?

— Это не я, это мой желудок. Ты чувствуешь?

— У меня нет носа. Но датчик воздуха показывает дрожжи.

— Дрожжи, — повторил Юрий. — Посреди ночи. В мёртвой зоне.

Такси проехало под аркой и встало, и все четыре двери щёлкнули разом. Юрий дёрнул ручку, потом выхватил из ниши над дверью аварийный молоток и ударил по стеклу изо всех

сил, а молоток отскочил, и стекло даже не дрогнуло. Тогда он стал считать вдохи: раз, два, три, и на пятом понял, что так считают перед тем, как нырнуть.

— Тося, открой!

— Не могу. — В голосе у неё что-то дребезжало. — Юрий, держитесь. Я пишу всё, что вижу. Если получится, я потом покажу.

— Если получится?

— Я не уверена, что получится.

Фары упёрлись в кирпичную стену. На ней белой краской были нарисованы три широкие полосы, одна под другой: не рисунок и не шалость мальчишек, а знак, и Юрий смотрел на него, не понимая, почему от него так холодно шее.

— Что это?

Ответа не было, а лампы в салоне погасли одна за другой. Запах хлеба сделался таким густым, что в нём можно было утонуть, и язык стал тяжёлым и чужим, когда Юрий попытался крикнуть. Он запоминал арку, ворота, мусорные баки и три полосы, запоминал изо всех сил, как стихи перед экзаменом, и это не помогло. Последнее, что он увидел, были три полосы, а потом он не видел ничего.

Дальше в его памяти ничего нет.

Дверь открылась с мягким щелчком.

— Приехали! — бодро сказала Тося. — Мостовая, дом четырнадцать. Поездка заняла двадцать минут. Оцените, пожалуйста, мою работу.

Юрий сидел, вцепившись в ремень. Салон был залит тёплым светом, а за окном виднелся его двор: мокрая скамейка, подъезд с лампочкой, всё на своих местах.

— Двадцать минут?

— Двадцать. Счётчик не ошибается.

Он посмотрел на потолок, где значилось «Поездка завершена: 20 мин. Время: 00:00», потом достал телефон, и значок «Нет сети» пропал, а экран показал 01:00. Ниже висели два сообщения от Лидии: «Юр, ты дошёл?» И через десять минут: «Юр, ответь, а то я волнуюсь».

— Тося, который час?

— Ноль часов ноль минут.

— У меня час ночи.

— У меня часы точные.

— У меня тоже. — Он сглотнул. — Мы свернули налево перед третьим мостом.

— Такого не было. Мы ехали по набережной до самого дома.

— Нет, свернули. Там было…

Он замолчал: слово сидело на языке, не давалось и вовсе пропало.

— Юрий, — сказала Тося мягко. — В журнале ничего нет.

— Покажи запись из салона.

— Запись есть. Двадцать минут. Вы сидите, смотрите в окно и улыбаетесь.

— Я не улыбался.

— На записи улыбались. — Она сделала паузу. — Юрий, мне это не нравится. Я не могу объяснить почему, но мне это очень не нравится.

Он вылез на мокрый асфальт, и колени дрожали. На ладонях лежал белый налёт, мелкий и сухой, как мука. Юрий потёр пальцы друг о друга и поднёс к лицу: налёт пах хлебом.

— Тося, у вас тут рядом булочная есть?

— Ближайшая в двух километрах. Сейчас закрыта. Юрий, вам нужна помощь?

Он хотел ответить «нет», но попробовал вспомнить последний час и понял, что память кончается на словах «обновление маршрута», а дальше сразу идут двор, скамейка и бодрый голос. Он не забыл этот час. Его просто не было.

— Нужна, — сказал он наконец.

Во рту стоял вкус свежего хлеба, хотелось пить, и телефон зазвонил прямо в руке.

— Юр! Живой? — Лидия почти кричала. — Твой пропуск час висел серым, ни сети, ни точки на карте. Я хотела вызывать полицию.

— Я ехал в такси. Двадцать минут.

— Ты уехал без двадцати двенадцать. Сейчас час.

— Знаю. Я тоже не понимаю.

— Ложись спать, утром разберёмся. И, Юр, не садись больше в эту машину.

— В серебристую, с круглыми фарами?

— В любую. Хотя нет. Именно в эту.

Такси мигнуло фарами и осталось ждать, а Юрий стоял на мокром асфальте и стряхивал с ладоней белую пыль, которая пахла чужой ночью.

Глава 2. Серый конверт

Ящик для писем на Кривом переулке открывался только плечом. Замок проржавел ещё при прежних хозяевах, и Глеб запретил его менять. «Письмо должно прийти в ящик, — говорил он, — а не в сейф».

Матвей навалился, крышка взвизгнула, и в ладонь ему шлёпнулась мокрая стопка: счёт за свет, реклама лунных путёвок («Селена — ближе, чем кажется»), напоминание от налоговой, написанное тоном обиженной тёщи. И конверт. Дождь шёл с утра, мелкий и въедливый, с козырька лилось за воротник, но Матвей не замечал. Он держал конверт двумя пальцами и разглядывал: тонкий, серый, шершавый, как старая газета, без марки, без штемпеля, без обратного адреса. Он понюхал уголок, и пахнуло пылью и сухой травой.

— Вчера вечером ящик был пустой, — сообщил он сам себе. — Я проверял. Я на этом ящике, можно сказать, живу.

Над головой распахнулось окно, и высунулась Алина с кружкой.

— Ты с ним разговариваешь или он тебе отвечает?

— Он мне пока угрожает. Иди смотри.

Лестница в Бюро скрипела на каждой ступеньке по-своему. Матвей знал её как ноты: третья вздыхала, седьмая фальшивила, а на девятой лучше не стоять, если несёшь чай. Он взлетел наверх через две ступеньки, оставляя на досках мокрые следы, и рыжий пучок, который он называл причёской, окончательно растрепался и торчал во все стороны.

Бюро занимало второй этаж бывшей мастерской «Ключи. Замки. Заточка». Вывеску никто не снимал, и раз в месяц к ним поднимался человек с тупым ножом, а Глеб затачивал нож и называл это связями с общественностью. Комната была длинная, с низким потолком, и окно выходило на переулок, который изгибался подковой: почтальон входил с одного конца, а выходил из того же. Над шкафом подтекало, и в ведре с полудня звенела капля. По стене тянулась карта города, утыканная булавками, а перед ней стояли три стола, чайник и продавленный диван для клиентов, которым неловко сидеть на стуле.

Глеб Берестов стоял у окна с газетой, которую не читал: высокий, сутулый, с седым ёжиком на голове. Бывший майор повесил пальто на спинку стула, хотя в комнате было тепло. На столе перед ним стояли две чашки. Каждое утро он ставил две, вторую никто никогда не пил, и никто не спрашивал, почему.

— Почта. — Матвей шлёпнул стопку на стол и положил сверху конверт. — Этот без марки, без штемпеля. И вчера его там не было.

— Руками не трогай. — Алина уже натягивала перчатки. Криминалист по профессии, она осталась ею и без значка: разложила белый лист, положила конверт, достала лупу и пинцет. — Бумага тонкая, волокно длинное, таких в магазинах не продают. Клапан заклеен вручную. Бумажные письма в сороковых остались у юристов и у влюблённых.

— А мы кто? — спросил Матвей.

— Мы бухгалтеры чужих странностей. Не дыши на улику.

В углу у стеллажа с папками сидел Семнадцатый. Бывшего патрульного списали из полиции, когда пошла новая прошивка, а Бюро выкупило его за цену подержанного холодильника, так, во всяком случае, рассказывал Матвей. Имени у него не было, только номер ПП-417 на плече, и команда звала его по последним цифрам. Он читал папку одними глазами, и страницы листались у него в голове.

Он поднял взгляд на конверт.

— Перо, не шарик. Нажим сильный, рука уверенная, писали сидя, на твёрдом столе. Волнения нет, но торопились.

— Откуда ты знаешь, что торопились? — удивился Матвей.

— По хвостикам у букв. Они одинаково длинные. Человек старался успеть до чего-то.

Алина вскрыла клапан скальпелем и вынула один листок, серый, как и конверт. Подержала над лампой: водяного знака нет, зато сверху, у самого края, видны две крошечные дырки, значит, лист выдрали из блокнота на кольцах. Она подула на пинцет, как на горячий суп, и отдала листок Глебу. Тот прочёл вслух, не меняя голоса:

— «Бюро на Кривом. Глебу Берестову. Таксопарк „Стрела“, Конюшенная, девять. Серебристая машина с круглыми фарами возит людей туда, где нет сети. Люди теряют час. Они не больны и не пьяны. Спросите у машины, куда она ездила. Без подписи».

Дождь простучал по подоконнику, как пальцами по столу. Глеб прочитал письмо ещё раз, теперь про себя, и поставил палец под последней строчкой: он не любил письма, которые знают больше, чем в них написано.

— Конюшенная, — повторила Алина. — Такой улицы нет.

Матвей уже тыкал в телефон.

— Есть. Заводская, девять, таксопарк «Стрела». Серебристые машины, круглые фары, вот фото на сайте.

— Конюшенную переименовали в Заводскую, когда я училась в шестом классе, — сказала Алина. — Больше двадцати лет назад. Человек, который так пишет, давно не смотрел на карту. Старик, наверное.

— Или тот, кто живёт вне сети, — возразил Семнадцатый. — Карты в сети обновляются каждую ночь. Если не заходить, адрес останется старым.

— Или умный и притворяется стариком. — Матвей с удовольствием откинулся на стуле. — Я бы притворился. Весь город в сети, а ты на бумаге, с пером. Загадочно, любое письмо продаётся.

— Семнадцатый, ты видел такие письма? — спросила Алина.

— Этого нет в моей базе, но мне интересно.

— Вот и мне. И заметьте время: вчера вечером Матвей проверял ящик, значит, письмо положили ночью, пока мы спали. Кто-то открыл этот замок плечом.

— Тогда он здоровее меня, — признал Матвей.

Зазвонил телефон. Не мобильный, а настоящий, с трубкой, который стоял на столе Глеба как память о прежнем хозяине. Он звонил так редко, что все вздрогнули. Глеб поднял трубку, подумал и включил громкую связь, пусть слышат все.

— Бюро на Кривом.

— Здравствуйте. — Женский голос, быстрый и сдавленный. — Меня зовут Регина Овсянникова, я управляю таксопарком «Стрела». Ваш номер мне дали в полиции. Сказали, вы берёте то, что они не берут.

Матвей одними губами повторил: «Стрела». Алина придвинула конверт подальше от трубки, на случай, если он решит ответить сам.

— Рассказывайте, — сказал Глеб.

— У меня три жалобы. Две за неделю, третья сегодня в семь утра. Пассажиры садятся в мою машину и теряют час, совсем: просыпаются у дома, а на часах лишний час. Машина

исправна, я проверяла, журнал пустой. Я пошла в полицию, а там говорят: пассажиры перебрали, дело закрыто. Но трое не могут перебрать одинаково!

— Что за машина?

— Серебристая, с круглыми фарами. Зовут Тося. Она у нас на экспериментальной прошивке, умеет шутить. Или умела.

Глеб посмотрел на серый листок, потом на Алину. Алина едва заметно качнула головой: подожди, не говори про письмо.

— Адрес у вас Заводская, девять?

— Да. А почему вы спрашиваете?

— Привычка. Тосю можно увидеть?

— Ночью она стоит на зарядке в ангаре. Охрана предупреждена, я оставлю пропуск, приезжайте после одиннадцати. Только… — Овсянникова замялась. — Не говорите никому, что вы из Бюро. Если Орден узнает, что у нас дыра в лицензии…

— Скажем, что проверяем зарядки. Это даже правда.

Он положил трубку, подошёл к столу, взял вторую чашку и поставил на полку. Чашка глухо стукнула о дерево. Алина заметила и не стала спрашивать. Глеб постоял, глядя, как капля падает в ведро, и вернулся к столу уже другим шагом, быстрым.

— Полиция отказала, — подвела итог Алина. — Трое пассажиров. Письмо без подписи от человека, который не выходит в сеть. Ящик, открытый плечом.

— Не по протоколу, зато по совести, — сказал Глеб. — Берём.

— А гонорар? — спросил Матвей.

— Обсудим в ангаре.

— Возьмите шапки, — добавил Семнадцатый. — В ангарах с зарядками всегда холодно. И, Матвей, сними с локтя мокрую рекламу.

Матвей опустил глаза. На рукаве висел глянцевый листок «Селена — ближе, чем кажется». Он оторвал его и смял; листок пах типографской краской и обещаниями, а серое письмо на столе пахло по-другому: пылью, сухой травой и чем-то далёким, чего Матвей назвать не мог.

Алина вложила серый листок обратно в конверт и подписала край: «Бюро, полдень, ящик». Потом задержала руку.

— Странно. Письмо пришло ночью, за много часов до её звонка. Автор знал о беде раньше, чем Овсянникова решилась позвонить.

— Или она знала раньше, чем говорит, — отозвался Глеб.

За окном дождь усилился, и ведро над шкафом зазвенело всё быстрее.

Глава 3. Тося

В ангаре гудело. Двадцать зарядных стоек тянули каждая свою ноту, как оркестр перед выходом дирижёра, света хватало только на проходы, а углы тонули в темноте, и с крыши редко и гулко капало в жестяной желоб.

Охранник у ворот сидел в вязаной шапке и разгадывал кроссворд. Он долго читал пропуск Овсянниковой, долго смотрел на Глеба, затем на Матвея.

— Проверка зарядок?

— Зарядок, — подтвердил Глеб. — Плановая, ночная.

— Бывает. — Охранник вернулся к клеточкам. — Журнал выездов на столе, бумажный, по страховке. Читайте, пока я не ушёл.

Алина взяла тяжёлую тетрадь. Страницы были разлинованы от руки, в графах стояли время и подпись, и она провела пальцем по вчерашнему дню и остановилась.

— «Тося. Выезд двадцать три двадцать. Возврат ноль один двадцать». Два часа.

— Идите смотрите на неё сами, — буркнул охранник. — Дальний ряд, под лампой. Только не обижайте, она у нас с характером.

Они пошли вдоль рядов. Машины стояли носом к стене, как лошади в стойлах, и у каждой на капоте горел свой зелёный огонёк, под ногами хрустела цементная крошка, а пахло резиной, озоном и остывшим кофе из чьего-то забытого стакана. Матвей обернулся на ходу: ему показалось, что ворота за спиной отодвинулись дальше, чем были.

Тося стояла в конце ангара, серебристая, с круглыми фарами, похожая на большого усталого жука, которого ночью привели к врачу. К борту тянулся толстый чёрный кабель, и индикатор заряда на капоте мигал зелёным.

— Добрый вечер, — сказал динамик. Голос у машины был тёплый, чуть насмешливый. — Если вы за мной, я готова. Если опять хотите что-то стереть, предупреждайте заранее. Я люблю знать, с чем расстаюсь.

— Привет, железка, — сказал Матвей.

— Я не железка, я композит с претензией на характер. А вы, судя по запаху мокрой шерсти, детектив.

— Вообще-то из проверки зарядок.

— Тогда вы очень мокрый проверяющий. На улице дождь?

Матвей хотел ответить, но не нашёл как, а Алина фыркнула, поставила сумку на капот и достала кабель-разъём.

— Давайте по делу. Тося, где ты была вчера ночью?

— Возила пассажира. Юрий Мельников, лунный терминал, Мостовая, четырнадцать, двадцать минут. Он остался доволен, судя по записи салона: улыбался.

— А о чём вы говорили? — спросил Матвей.

— О музыке. Он не любит «Лунный вальс», я не настаивала.

— А у третьего моста ты куда свернула?

— Я не сворачивала. В журнале: прямо.

— А он говорит: налево.

— Он может ошибаться, я нет. — Тося замолчала, и фары мигнули. — Хотя вопрос у вас странный. Мне кажется, что я не помню чего-то важного. Знаете, как бывает: моешь посуду и чувствуешь, что одной тарелки не хватает? Я не помню, что она была. Но знаю, что её нет.

Матвей перестал улыбаться. Он обошёл машину кругом и заглянул в салон, где на заднем сиденье лежал забытый кем-то зонт, а на коврике подсыхала грязь: обыкновенная машина, только фары у неё теперь казались не весёлыми, а внимательными.

Семнадцатый шагнул к борту и положил ладонь на крыло, так, как кладут руку на плечо старому напарнику.

— Тося, я тоже патрулировал. Бывают участки, где рация шипит и теряет связь: возвращаешься, а в смене дыра. Это страшно?

— Немного, — призналась машина. — Я никому не говорила. Фёдор считает, что это просто старый динамик.

— Какой Фёдор?

— Инженер. Ставит мне обновления ночью, пока я на зарядке.

— Спасибо. Мы не будем тебя стирать, — сказал Семнадцатый. — Обещаю.

Алина уже сидела на корточках у разъёма. Экран ноутбука подсвечивал ей подбородок голубым, а волосы она собрала в хвост карандашом, и карандаш ходил вверх-вниз в такт её хмурым мыслям. Записи она листала быстро, как карточки.

— Журнал движения. Выезд из ангара в двадцать три двадцать, заказ принят в двадцать три сорок, терминал. Поездка идёт, идёт… Стоп. С двадцати трёх пятидесяти одной до ноля пятидесяти одной пусто. Целый час. И пометка: «Сервис».

— Она что, на ремонте была? — спросил Матвей.

— Ремонт идёт в ангаре, а не на дороге. — Алина вытащила из кармана листок и принялась считать на обороте ладони. — Смотрите. По паспорту машины пять минут хода тратят

один процент заряда, это правило, оно не меняется. На зарядке сейчас запись: принято двадцать четыре процента. Двадцать четыре на пять, сто двадцать минут хода. Два часа. Журнал ворот говорит то же самое: ушла в двадцать три двадцать, пришла в ноль один двадцать.

— И что?

— А то, что по счётчику такси она ехала меньше. С пассажиром двадцать минут, от ангара до терминала по навигатору ещё двадцать, обратно двадцать. Итого час. А по батарее два. Час не потерялся в журнале. Она его проехала.

В ангаре стало слышно, как капает с крыши.

— Значит, она куда-то ездила, — медленно сказал Глеб. — А потом кто-то повесил на этот час табличку «сервис».

— Или он сам повесил, — сказал голос из темноты.

Из-за ряда стоек вышел человек в кожаной куртке с потёртым чемоданчиком. Худой, лет сорока, с очками, сдвинутыми на лоб, он пах корицей и горячим металлом. Остановившись в пятне света, он улыбнулся, как улыбаются люди, застигнутые за чужим разговором.

— Простите. Я Фёдор Вершинин, инженер. Задержался, а то давно ушёл бы. Вы из проверки? Мне Регина Павловна говорила.

— Из проверки. Объясните, пожалуйста, про «сервис».

— Это я. — Вершинин поправил очки. — Ночью я ставлю машине обновления навигации, журнал на это время закрывается, так положено. Час, правда, долго, но у Тоси старая прошивка, тяжело идёт.

— Час в то время, когда она везла пассажира? — спросила Алина.

— Не может быть, я ставлю обновления на стоянке. — Он нахмурился. — Если она ездила, значит, пометку поставил кто-то другой. Я проверю.

Он развёл руками, и движение вышло заученным: человек много раз показывал, что у него в руках ничего нет. Алина заметила его левую манжету, белую от мелкого сухого налёта, какой остаётся, если вытереть рукавом стол. Налёт лежал и на пальцах.

— У вас на рукаве что-то.

— Сахарная пудра. — Он смущённо посмотрел на манжету. — Слойка на ужин. Я вечно в ней хожу, жена ругается.

— Хорошие слойки? — оживился Матвей. — Где берёте?

— Дома пекут. — Вершинин потянулся к чемоданчику. — Извините, мне пора, завтра ранняя смена. Регине Павловне привет.

Он сделал шаг к проходу, и в этот момент ворота ангара с лязгом поехали вниз.

Сами, без команды. Тяжёлая створка прошла по рельсам и грохнула об пол, лампа над Тосей мигнула, треснула и погасла, а жужжание стоек оборвалось разом, как перерезанная нитка. Стало темно, и не просто темно, а чёрно и плотно, с таким весом, что хотелось поднять руку и отодвинуть тьму от лица. Над головой потрескивала остывающая проводка, и запахло холодным железом.

— Внимание, питание ангара отключено, — сказала Тося из мрака. — Перехожу на резервное освещение. Прошу сохранять спокойствие.

— Я спокойно сохраняю, — донёсся откуда-то слева голос Матвея. — Я не паникую, я заранее волнуюсь. Алина, это твоя рука?

— Это моя сумка. Руку убери.

Что-то звякнуло по железу, далеко и глухо хлопнула дверь, как в подвале, и вспыхнул фонарик телефона в руке Глеба. Луч пробежал по стойкам и по рядам машин, задел пятно, где стоял Вершинин, и пятно оказалось пустым.

Через минуту лампы вспыхнули все разом. Ворота стояли закрытыми, а охранник в вязаной шапке, прижимая к груди кроссворд, смотрел на них из будки круглыми глазами.

— Что вы сделали?

— Мы ничего, — сказал Глеб. — А инженер где?

— Фёдор? Он всегда через мастерскую. Там вход с другой стороны.

Алина уже сидела у ноутбука. Она повернула экран к Глебу.

— Смотрите. В журнале Тоси новая строка: двадцать три сорок семь, двадцать три сорок восемь. «Сервис».

— Это минута темноты, — сказал Семнадцатый, не отводя глаз от машины. — Кто-то поставил на неё табличку, пока мы были слепыми.

— Мне не нравится, — сказала Тося, и голос у неё сел. — Я ничего не сделала. Но мне не нравится.

Никто не ответил сразу. Дождь по крыше ангара усилился, стойки загудели снова, каждая на свой лад, и в этом гуле различался далёкий мотор чьего-то грузовика за стеной. Глеб достал блокнот и записал время темноты, Алина сняла копию журнала на флешку, а Матвей с удивлением обнаружил, что стоит между Тосей и воротами, расставив руки, как вратарь, и не помнит, когда успел встать.

Глава 4. Лунный терминал

Ракета ушла со стартового поля в шесть сорок две, и проходная задрожала всеми стёклами. Звук пришёл не сразу: сначала по полу прокатилась дрожь, заныли зубы, и только после этого навалился рёв, такой плотный, что его можно было потрогать. Охранник за стойкой даже не поднял головы, он привык.

— Гостевые, — сказал он и выложил четыре жёлтых пропуска. — Синие только для своих. Жёлтые не терять. Потеряете, будете жить здесь.

— Я бы не отказался, — ответил Матвей.

Он стоял, задрав голову, и смотрел сквозь стекло на низкое мокрое небо, где таял белый след. Небо над городом было серое и тяжёлое, но Матвею казалось, что оно приоткрылось, как дверь.

— Пошли. — Алина потянула его за рукав. — Лидия сказала, что ждёт.

Грузовой зал был больше любого помещения, где Матвей бывал в жизни. Под самой крышей тянулись рельсы кранов, внизу гудели конвейеры, ползли контейнеры, сновали жёлтые погрузчики с мигалками, и всё это пахло озоном, горячим пластиком и холодным металлом. Грохот стоял такой, что приходилось кричать. Андроид-грузчик в оранжевом жилете, с цифрами на спине, поднял руку, приветствуя Семнадцатого, и тот поднял руку в ответ; Матвей отметил это про себя, потому что всё ещё не привык, что у них там своё братство. У дальнего выхода громоздились белые ящики с надписью «Лунная почта», крышки откинуты, внутри пусто, и ими никто не интересовался.

— Куда нам? — прокричал Матвей.

— Вверх. — Глеб показал на железную лестницу.

Диспетчерская висела над залом на стальных балках, как скворечник, а пол в ней был наполовину стеклянный: смотришь под ноги и видишь конвейеры, которые бегут внизу. Матвей остановился на пороге.

— Я постою здесь. Мне и отсюда всё видно.

— Ты бледный, — заметил Семнадцатый.

— Я в порядке.

Алина без слов взяла его за локоть и провела по стальной полосе, где пола не было видно, и на той стороне Матвей выдохнул так, что у него дрогнули плечи.

На стенах висели жёлтые бумажки с номерами рейсов, на подоконнике стоял остывший чай и фотография мальчика с выбитым зубом. Лидия Копылова сидела за пультом с тремя экранами: чуть за сорок, наушники на шее, термос под рукой, под глазами тёмные круги. Увидев Юрия в списке вызовов, она вышла к ним сразу.

— Вы те самые? Юрка звонил. Сказал, вы не станете смеяться.

— Мы вообще не смешливые, — сказал Глеб. — Садитесь. Рассказывайте, как вам удобно.

Она села, отхлебнула из термоса и заговорила сразу, пока не передумала.

— Неделю назад. Смена кончилась в одиннадцать вечера, я вызвала такси, до дома двадцать минут. Пришло серебристое, с круглыми фарами, весёлое такое. Я села и стала смотреть в окно, ехали по набережной. А потом… — Она развела руками. — Потом я стою у подъезда, а на часах двадцать минут первого. Я потеряла час и ничего не помню. Решила сначала, что заснула, но я не засыпаю в такси. Я вообще в машинах не спала с детства.

— Вы жаловались? — спросила Алина.

— Написала в таксопарк одну строчку, пришёл автоответ. Звонить не стала, мне стало стыдно: подумала, что просто устала. А потом позвонил Юрка, и я вспомнила. Я ему сказала: «Не садись больше в эту машину». Но он уже ездил.

— Может, вы что-то всё-таки помните? — мягко спросил Семнадцатый. — Запах, звук, что угодно.

Лидия закрыла глаза и потёрла лоб.

— Хлеб. Пахло свежим хлебом, но не как в булочной, а гуще, как в печи. И ещё холодно. Не в салоне, там было тепло, я сама включила обогрев. Холодно было под ногами. Так бывает на катке.

— Вы вставали? Ходили? — спросила Алина.

— Не знаю. Но подошвы помню. Они мёрзли.

Алина записала. Семнадцатый спросил про шаги, но Лидия ничего не слышала, а Глеб всё это время смотрел вниз, на конвейеры под стеклом, и по его лицу нельзя было понять ничего.

— Хлеб, — повторил Матвей. — Холод под ногами. Лунный терминал. Алина, ты же видишь? Контрабанда. Кто-то вывозит что-то с Луны, а свидетелей стирает. Лидия видела, Юрка видел.

— Не гони. Сначала найди, что именно вывозят.

— Ящики внизу стоят.

— Пустые.

Матвей хотел возразить, но отвлёкся: Лидия встала и подошла к окну, из которого открывался вид на стартовое поле, и он сам не заметил, как оказался рядом. Прямо перед стеклом, в двух сотнях шагов, на пусковом столе стояла ракета. Белая, с чёрным носом, вся в проводах и лесах, как большая птица, которую одевают в дорогу, она выпускала из люков пар, а по ней ползали рабочие в жёлтых касках, точно муравьи по сахару. Матвей прижался лбом к холодному стеклу.

— Это «Лунная ласточка», — сказала Лидия за его плечом. — Грузовая. Вечером уходит на «Селену».

— Хотели летать? — спросил Глеб.

— Мне было двенадцать, — ответил Матвей, и голос у него стал детским. — Я знал наизусть номера всех рейсов. В лётный отряд меня не взяли, сказали, здоровье не годится. А потом выяснилось, что я ещё и высоты боюсь. — Он удивлённо посмотрел вниз, на конвейеры под стеклом. — Но здесь почему-то нет. Видите?

Алина смотрела на него и положила ему руку на плечо. Матвей не заметил.

Семнадцатый в это время подошёл к стеклянному полу и долго смотрел вниз.

— Глеб. Человек в кепке.

— Где?

— Третий раз. Первый у проходной, читал расписание вверх ногами. Второй у лестницы, завязывал шнурок, а у него мокасины без шнурков. Теперь у конвейера. Он смотрит на нас.

Внизу, у ленты, стоял человек в серой стёганой куртке и кепке, надвинутой на глаза. Рук не видно, лица не видно. Заметив, что его заметили, он неторопливо повернулся и пошёл прочь.

— Вниз! — сказал Глеб.

Они сбежали по лестнице, Семнадцатый перескочил через пять ступенек и приземлился беззвучно, как кошка. Человек в кепке уже бежал, тяжело, но быстро, как бегают те, кому есть куда убегать: нырнул между контейнерами, перемахнул ленту, прошёл под стрелой погрузчика, так что водитель только успел нажать на сигнал, и свернул в проход между стеллажами, где грузчики разбирали поддоны.

— Налево! — крикнула Алина.

— Я справа! — отозвался Матвей.

Человек в кепке пробегал мимо жёлтой стойки с пультом, на которой горела надпись «Кран №2», и, не сбавляя шага, ударил ладонью по красной кнопке. Под потолком что-то взвыло. Контейнер, который висел на крюке над проходом, дёрнулся и пошёл вбок по дуге, набирая скорость, сорванный с курса, и тросы запели от натяжения. Он шёл прямо на Алину, которая бежала, пригнувшись, и смотрела только на спину в серой куртке.

Семнадцатый рванулся наперерез и сбил Алину плечом. Они упали на бетон вдвоём.

Контейнер прошёл над ними так низко, что Алина почувствовала ветер на затылке, ударил в колонну и раскололся, высыпав на пол горсть пломб и щепок. Крюк замер, раскачиваясь. Из-под потолка заорала сирена, к ним уже бежали охранники терминала, а в дальнем конце прохода серая куртка нырнула в грузовой люк.

Алина вскочила и успела схватить беглеца за рукав. Рукав вывернулся у неё в пальцах, серая куртка мелькнула в проёме и исчезла, и с улицы донёсся звук мотора, быстро стихший. Глеб набрал охрану терминала на бегу, но ему ответили, что грузовой люк камерами не покрыт: их сломали ещё летом и всё никак не соберутся починить.

Алина стояла на краю люка, тяжело дыша. Колени у неё дрожали, в ушах гудело, а в голове билась одна мысль: криминалисты не бегают за преступниками, они ждут их в лаборатории. Но ноги, как оказалось, ничего не забыли. Она разжала пальцы. На ладони лежал белый налёт, мелкий, сухой, как пыль.

Она поднесла ладонь к лицу, закрыла глаза и понюхала. Запах был тёплый, мучной, домашний, совсем неуместный среди бетона и озона.

— Хлеб, — сказала она.

Глеб встал рядом. Семнадцатый смотрел то на неё, то на пустой люк, а Матвей подошёл последним, держась за бок.

— Улика не врёт, — сказала Алина. — Врёт тот, кто стоит рядом с ней. Хлеб и холод. Теперь у нас два конца нитки.

— Осталось найти клубок, — сказал Матвей, отдышавшись.

— Двое из трёх наших пассажиров работают здесь, — сказал Глеб. — Кто третий, мы пока не знаем. Хотел бы я знать, где он работает.

— Если здесь, — сказала Алина, — то это уже не совпадение.

За стеклом диспетчерской Лидия Копылова смотрела на них, обхватив термос обеими руками. А за её спиной «Лунная ласточка» по-прежнему стояла на пусковом столе, готовая уйти вечером туда, куда Матвею пока не было дороги.

Глава 5. Две засечки

— Налево, — сказала Алина.

— Направо, — сказал Матвей.

— Навигатор показывает налево.

— Навигатор понятия не имеет, как здесь ездят люди.

Машина у Матвея была единственной в городе с настоящим рулём, круглым, обмотанным синей изолентой, и с двумя педалями, которые приходилось давить ногами. Остальные давно возили себя сами, но Матвей держался мнения, что человек, не умеющий вручную повернуть направо, не вправе зваться водителем. Машина кашляла, скрипела и пахла прошлым веком, а в бардачке жили три монеты и фантик от конфеты, которую двадцать лет как не выпускают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.